

БИОЭТИКА

УДК: 614.253(07):575.02

Код специальности ВАК: 09.00.05

«МЕССИАНСКОЕ ВРЕМЯ» ФЕДОРА ГАЗА

Е.А. Нагорнов,

ФГБОУ ВО «Приволжский исследовательский медицинский университет», г. Н. Новгород

Нагорнов Евгений Александрович – e-mail: evnagor@yandex.ru

Дата поступления
27.02.2018

Федор Петрович Гааз является одной из ключевых фигур русской медицинской этики XIX века, однако идейное наследие «святого доктора» в контексте эпохи заката метанарративов требует дальнейшего изучения. Сложившийся хрестоматийный образ выдающегося медика не столько помогает, сколько мешает истинному пониманию его идейного наследия. В статье представлен анализ знаменитого афоризма Ф.П. Гааза: «Спешите делать добро!» с позиций христианского учения, что позволило выявить подлинный нравственный импульс его этической модели. Для автора Ф.П. Гааз – это прежде всего христианин, деятель, живущий внутри «мессианского времени». Он не просто выполняет медицинский долг, но реализует раннехристианские идеалы. Событие христианства, являясь «невообразимым новым режимом», «вторгается в мир», меняя исторического субъекта. Это повлияло и на этику Ф.П. Гааза, пренебрегшего любыми мирскими интересами. Иисус и первые христиане, по мнению современного английского философа Т. Иглтона, ожидали новой «формы существования», но это мы можем отнести и к бескорыстному служению Ф.П. Гааза, также всем своим поведением, жаждущим этой новой «формы существования». Характерной особенностью этики русского врача была сопричастность «времени мессии», а не абстрактная человечность или книжный гуманизм. В этом контексте гаазовское «Спешите делать добро!» – пример исполнения мессианского оперативного времени.

Ключевые слова: христианство, медицинская этика, мессианское время.

F.P. Haas is one of the key figures of the Russian medical ethics of the 19 century but the ideological heritage of the «holy doctor» in the context of the methanarratives' sunset era requires further study. The existing textbook image of an outstanding physician does not help, but rather interferes with the true understanding of his ideological heritage. The article presents an analysis of the famous aphorism of F.P. Haase: «Hasten to Do Good!» from the Christian standpoint that allowed it possible to reveal the true moral impulse of his ethical model. For the author F.P. The Haas is first and foremost a Christian, a person who lives inside the «messianic time». He does not just fulfill his medical duty but realizes the early Christian ideals. The event of Christianity being «an unimaginable new regime», «invades the world», changing the historical subject. This influenced the ethic of F.P. Haas who neglected any worldly interests. According to the modern English philosopher T. Eagleton, Jesus and the first Christians, were expecting a new «form of existence» but this can also be attributed to the disinterested service of F.P. Haas, who all his behavior, was also hungry for this new «form of existence» in his behavior. A characteristic feature of the ethics of the Russian physician was an involvement in «the time of the Messiah» but not an abstract humanity or bookish humanism. In this context, the Haase' motto – «Hasten to Do Good!» is an example of the fulfillment of a messianic, operational time.

Key words: christianity, medical ethics, messianic time.

Ф.П. Гааз не оставил потомкам основательных трудов по медицинской этике. Считается, что его жизнь сама является воплощением врачебного долга. Венцом российской медицины XIX века по праву был его известный афоризм: «Спешите делать добро!». К сожалению, современные историки медицинской этики, как правило, не идут дальше этой констатации милосердия, гуманизма и добра по отношению к ближнему. Что, на наш взгляд, значительно упрощает этический подвиг «святого доктора» и заслоняет некоторые важнейшие глубинные эзотерические моменты его мировоззрения. Каково же истинное послание Гааза, скрытое в его хрестоматийном афоризме? Что помимо безусловной доброты и признанного всеми гуманизма еще может в нем содержаться?

Думается, ответ лежит в религиозной позиции прославленного врача. А.Я. Иванюшкин отмечает: «В контексте собственно медицинской этики следует обратить внимание на религиозные истоки мировоззрения Ф.П. Гааза: «Я прежде всего христианин, а потом уже врач» [1]. Именно христианская позиция Ф.П. Гааза требует дополнительного исследования и сравнения с позиций новейшей философской методологии. По нашему мнению, известный афоризм Ф.П. Гааза раскрывает в нем не просто обычного христианина, живущего в миру. Афоризм «Спешите делать добро!», с его акцентуацией на времени – это не что иное, как отсылка к глубинным истокам христианского послания, к раннему христианству первых христианских общин, к христианству апостола Павла. Это прямая цитация, молниеносная связь с теми легендарными временами. В этом плане Ф.П. Гааз – человек того времени. И прояснить его жизненный подвиг мы можем, обратившись к историческому времени зари христианства. Времени, когда жизнь была пропитана милленаристскими ожиданиями прихода мессии, ожиданиями наступления царства Божия на земле. Известный современный философ Дж. Агамбен называет этот исторический период – мессианским временем. Да, исторически Ф.П. Гааз осуществлял свою деятельность в XIX веке, но глубинный смысловой семиотический источник его поступков был не здесь, а в первых веках нашей эры. Вот почему Ф.П. Гааз так часто вызывал изумление у современников и был им абсолютно не понятен. Вот почему он с легкостью мог входить в холерные бараки и целовать зараженных больных, заботиться об арестантах и полностью пренебрегать собственной карьерой. По мнению А.Я. Иванюшкина, «кроме так нужного врачу терапевтического оптимизма, кроме внушения так нужной больному веры в выздоровление здесь есть еще один важный момент: долгом врача является борьба с паническими настроениями, преодоление в массе населения ужаса, фобий перед эпидемией» [1]. Но дело здесь, на наш взгляд, не только в «терапевтическом оптимизме» и «борьбе с паническими настроениями», хотя это и верно с деонтологической точки зрения. Дело здесь именно во времени, в которое должен совершаться добрый поступок, а, вернее, в его нехватке, остатке, ограниченности. Вряд ли, совершая спасительный поступок, Ф.П. Гааз исходил только из расчетов «терапевтического оптимизма». Скорее всего, для него важной была именно скорость, с которой надо выполнить добрый поступок, причем не важно какими средствами. Вот почему Гаазу подходит другой медицинский деонтологический девиз голландского врача Николаса ван Тюльпа (1593–1674 гг.): «Светя другим – сгораю сам!». Ужасным было не заболеть смертельной болезнью, но опоздать с помощью,

с надеждой для больного, не оказаться вовремя на своем месте, не реализовать свое призвание, упустить царство Божие, уйти с поля боя. И в этом Гааз – христианин, деятель, живущий внутри «мессианского времени». Он не просто выполняет медицинский долг, но реализует раннехристианские идеалы в жизнь. Поступать иначе ему «совесть не велит» – тоже одно из его хрестоматийных выражений.

Рассматривая протестантизм, известный либеральный философ XX века Х. Арендт столкнулась с «чудовищной силой, присущей исключительно религиозной установке, ориентированной на потустороннее, когда она начинает действовать внутри мира» [2]. Базисом деонтологии Гааза была именно «религиозная установка» раннего христианства. По мнению Х. Арендт, «вполне посюсторонняя громадная активность возможна без того, чтобы ее участникам надо было обязательно ориентироваться на посюсторонность, то есть без заботы о мире и без наслаждения миром; что все это может происходить наоборот, из интереса к своей собственной самости и из заботы о спасении души» [2]. В этой религиозной непримиримой ориентации на «спасение души», как нам думается, и следует искать ключ к поступкам Ф.П. Гааза, к его глубинной мотивации. Ф.П. Гааз исходит не столько из «терапевтического оптимизма», сколько, по выражению современного английского философа Т. Иглтона, из «некоторого будущего преображения человеческого бытия». Ибо, по словам Т. Иглтона, рассуждающего о раннем христианстве, «На кону стоит не реформистское переливание нового вина в старые мехи, а невообразимый новый режим, который, по мнению Иисуса, уже вторгается в мир» [3]. Из этого «невообразимого нового режима», «вторгающегося в мир», и исходит Ф.П. Гааз, пренебрегая любыми мирскими интересами. Иисус и первые христиане, по мнению Т. Иглтона, ожидали новой «формы существования», но это мы можем отнести и к бескорыстному служению Ф.П. Гааза, также всем своим поведением жаждущим этой новой «формы существования».

Материалистическая врачебная деятельность Ф.П. Гааза коррелируется его личным пониманием Царствия Небесного. Так, по мнению Т. Иглтона, «один из признаков материалистической природы теологии Нового Завета заключается в том, что Иисус очень много времени тратит на исцеление больных. Именно человеческим телам он уделяет внимание в первую очередь; видимо, он считал свою кампанию против сил, калечащих мужчин и женщин, признаком грядущего Царства» [3]. Т. Иглтон призывает видеть в Иисусе не «гипсового святого с кротким взглядом, а безжалостного, отчаянно бескомпромиссного активиста» [3]. Но разве не таким же «бескомпромиссным активистом», заботящимся о спасении собственной души, был и Ф.П. Гааз? Согласно Т. Иглтону, чтобы сопричастовать «времени мессии», необходимо в этом времени найти «отражение себя самого и собственных исторических условий». А это, по мнению Т. Иглтона, есть «революционный акт, известный в Евангелиях как метанойя, или обращение» [3]. Таким обращенным и является Ф.П. Гааз, непонятый своими более светскими современниками и практичными коллегами. Именно «отражение себя самого» в зеркале раннего христианства, во «времена мессии» и позволяет проникнуть в мотивационные глубины медицинской этики Ф.П. Гааза. Обнаружить то, что двигало им, вело его. Проникнутость «временем мессии», а не абстрактная человечность или книжный гуманизм, была двигателем его деятельности как «прежде всего христианина». Для

Гааза-христианина лучше здесь и сейчас потерять жизнь, личное благополучие, чем утратить спасение души. Согласно польскому писателю З. Косидовскому, изучавшему последние дни Христа, – мы не знаем подлинных намерений Христа, «нам известно лишь, что с этого момента Иисус действует бескомпромиссно, не считаясь с опасностью, которой себя подвергает» [4]. То же самое мы видим и в известных поступках Ф.П. Гааза, в его бескомпромиссном следовании своему долгу. Это дает нам повод связать деятельность Ф.П. Гааза с «временем мессии», с кайрологическим напряженным горячим моментом бытия, когда важен личностный активизм и бдительность. Но при этом «плавный переход от старого к новому в духе эволюционного социализма невозможен» [3]. Т. Иглтон отмечает: «Учитывая наше бедственное положение, которое Евангелия характеризуют как «грех мира», для достижения справедливого социального устройства необходимо пройти через смерть, ничто и саморастрату» [3]. Ни смерть, ни саморастрата не пугают Ф.П. Гааза, но только придают дополнительный мессианский импульс его врачебной деятельности, его служению. Согласно английскому мыслителю, рассматривающему быт первых христианских общин, «история очевидным образом подошла к концу, и приверженцы Господа должны просто ждать, предавшись вере в Христа, который вот-вот явится» [3]. Рискнем предположить, что «вера в Христа, который вот-вот явится», была основой действий и для Ф.П. Гааза, иначе как объяснить его бескомпромиссную спешку в осуществлении добра любой ценой. Т. Иглтон утверждает: «Отрешенность Иисуса имеет в основном эсхатологическую подоплеку: поскольку Царство уже на подходе, нет смысла копить богатство или опасаться за будущее» [3]. По мнению Т. Иглтона, «закону следовать нужно, но следование закону менее важно для Иисуса, чем его собственная миссия» [3]. По Иглтону «спасение обеспечивает вера, а не следование закону» [3]. То же самое мы видим и в подвижничестве Ф.П. Гааза, презревшего, сообразно своей вере, общественные законы и нравы и начавшего помогать презираемым заключенным. «Царство уже на подходе» – не в этом ли следует искать мотивацию легендарного русского доктора. Мессианское время открывается в следующих словах апостола Павла: «Я вам сказываю, братия: время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие; и плачущие, как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего» [1 Кор. 7, 29–31]. Для Ф.П. Гааза также «проходит образ мира сего» – в каждом конкретном случае, в каждом горе, в каждой трагедии, в каждом присутствии перед умирающим больным. И в этой точке все мирское утрачивает для него всякий смысл, остается только тяжелая работа веры, работа страдания и непоколебимого долга.

Таким образом, мы можем констатировать, что христианскому мировоззрению Ф.П. Гааза, выраженному в его знаменитом афоризме, вполне соответствует опасный, критический момент прочтения «часа сего», или «актуального настоящего» (Yetztzeit) немецкого философа В. Беньямина. Современный итальянский философ Дж. Агамбен утверждает: «Технический термин для обозначения прихода мессии служит у Павла выражение *ho nyn kairos* – «время сего часа» [Рим. 3, 26; 8, 18; 11, 5; 2 Кор. 8, 14]. Для Ф.П. Гааза, равно как и для апостола Павла, «мессия уже пришел». И искать его следует не в будущем, но в настоящем. В реальных делах, в реальном служении

ближнему, помня о быстротечности времени. «Царство уже на подходе» – вот лейтмотив подвижнической деятельности Ф.П. Гааза. Согласно Дж. Агамбену, «Мессианическое время – это часть времени профанного, претерпевающая сжатие, в результате которого профанное время здесь целиком преобразуется» [5]. То есть некий «остаток», некая «цезура, разделяющая само разделение между двумя временами». По мысли итальянского философа, «Мессианическое время – это не линия (изобразимая, но невысказанная) хронологического времени; это также и не секунда (столь же невысказанная) конца времени; но это и не просто отрезок, вынутый из хронологического времени и идущий от воскресения до конца времени; мессианическое время – это, скорее, оперативное время, которое пульсирует во чреве хронологического времени, которое торопит его, и подтачивает, и преобразует изнутри; это время, которое нам требуется, чтобы довести время до конца, – и в этом смысле мессианическое время – это время, которое нам остается» [5]. Агамбен отмечает: «Если наши представления о хронологическом времени как времени, в котором мы находимся, отделяют нас от нас самих, превращая нас как бы в бессильных зрителей себя самих, которые, не имея времени, лишь глядят на бегущее время, на свою непрестанную нехватку себя самих, – то мессианическое время, как время оперативное, в которое мы схватываем и исполняем наше представление о времени, есть время, которым мы являемся, – и потому единственное реальное время, единственное время, которое мы имеем» [5]. В этом контексте гаазовское «Спешите делать добро!» – пример мессианического, оперативного времени. В нем Ф.П. Гааз «схватывает и исполняет свое представление о времени». В этом афоризме русский врач, живущий и действующий во «времени конца», вне зависимости от исторической хронологии – уже не «бессильный зритель себя самого», не заложник «хронологического времени», не пассивный созерцатель «бегущего времени», но активный его творец и преобразователь, активный спаситель нуждающихся.

В плане проблемы мессианического времени Ф.П. Гааза интересна паулинистская диалектика кайроса и хроноса. Агамбен утверждает: «“Кайрос” не располагает никаким особым временем; то, что мы ловим, когда ловим кайрос, – это не какое-то другое время, это просто-напросто сжавшийся, сокращенный хронос» [5]. При этом «мессианское исцеление приходит именно через кайрос; но кайрос этот – не что иное, как схваченный хронос» [5]. Этот «сжавшийся, сокращенный хронос» характерен и для деонтологического радикализма известного афоризма Ф.П. Гааза. Агамбен отмечает: «Отсюда – вся значимость раввинической притчи, согласно которой мессианский мир – это не иной мир, а тот же самый профанный мир, но только с маленьким сдвигом, с крохотным отличием» [5]. Мыслитель говорит: «Но это маленькое отличие – вытекающее из того факта, что мне удалось схватить свою отчужденность от хронологического времени, – является во всех смыслах решающим» [5]. Согласно Агамбену, «Павел разлагает мессианское событие на две фазы: воскресение и *parousia*», второе пришествие Иисуса в конце времени» [5]. Агамбен отмечает: «Отсюда – парадоксальная напряженность между «уже» и «еще не», характеризующая паулинистскую концепцию спасения: мессианское событие уже произошло, спасение уже состоялось для верующих – и тем не менее, чтобы спасение осуществилось полностью, требуется еще и какое-то последующее время» [5]. При этом, согласно Агамбену, «*parousia*» «не озна-

чаёт «второе пришествие» Иисуса, второе мессианское событие, следующее за первым и его завершающее до полноты» [5]. По его мнению, «*parousia* значит попросту «присутствие»: *parousia*, буквально «быть рядом»; в настоящем времени бытие стоит, так сказать, при самом себе» [5]. «*Parousia*» как «присутствие», как «нахождение рядом», как искра надежды – характерна и для христианского мировоззрения Ф.П. Гааза, реализующего данное «присутствие» в тяжелейших условиях у постели больного. В этом присутствии – он с Христом, а Христос – рядом с ним, и третьего не дано. Таков деонтологический и герменевтический топос Ф.П. Гааза, его сущностное вневременное ядро. Агамбен отмечает: «Мессианское присутствие стоит при самом себе, потому что, никогда не совпадая с хронологической секундой и не прибавляясь к ней, оно тем не менее схватывает ее и изнутри доводит до завершения, до исполнения» [5]. Агамбен заявляет: «Мессия уже пришел, мессианское событие уже случилось, но его присутствие содержит внутри себя некое другое время, которое растягивает «парусию» – не для того, чтобы отсрочить ее, а, напротив, для того, чтобы сделать ее схватываемой» [5]. В итоге «всякая секунда может быть, как говорит В. Беньямин, «калиткой, через которую входит мессия». Мессия всегда уже отживает свой век – то есть и отживает свое время и завершает его» [5]. Утрируя можно сказать, что гражданское служение Ф.П. Гааза – это тоже «калитка, через которую входит мессия». «Святой доктор» лишь торит ему пути, делая время событий полновесным и значимым, делая его приход кайрологически неотменимым.

Чем же будет являться подвиг Ф.П. Гааза применительно к теории мессианского времени? Агамбен, рассматривая деятельность Павла, ссылается на Бульмана: «первоначальная христианская община осознает себя помещенной «между временами», иначе говоря, находящейся в конце старого зона и в начале или, по крайней мере, в преддверии зона нового. Таким образом, она мыслит свое настоящее как уникальнейшее «между». Это находит особенно ясное выражение в 1 Кор. 15, 23–27. Раввиническая теория считает, что между старым и новым эоном лежит царство мессии. Для Павла это царство есть не что иное как настоящее время, лежащее между воскресением и парусией» [5]. В результате, «мессианское время у Павла предполагает – как время оперативное – действительную трансформацию переживания времени, способную прервать профанное время прямо здесь и сейчас» [5]. Деятельность Ф.П. Гааза тоже попытка «прервать профанное время прямо здесь и сейчас», возможность дотянуться до Царства Божия через кровь и горе «дольного мира». Агамбен считает: «Царство не совпадает ни с одним из хронологических моментов; оно находится между ними, растягивая их в пара-усию» [5]. По Агамбену, «в этом и состоит особенная «близость» Царства, которая у Павла соответствует близости слова веры. В этом смысле важно, что в пассаже из Луки «Царствие Божие внутри вас есть [entos hymon]» (Лк. 17, 21) *entos hymon* означает, вопреки обиходному переходу, не «внутри вас», а «на расстоянии протянутой руки, в радиусе возможного действия» – иными словами, рядом с вами» [6]. «На расстоянии протянутой руки» осуществляется и врачебное служение Ф.П. Гааза, и в этом – его близость к Царствию.

Апостол Павел определяет христиан первых общин как «достигших последних веков» [«нам, в которых края времен противостоят друг другу»]. По мнению Агамбена, «речь идет еще и о напряжении, которое стягивает прошлое и будущее, тип и

антитип, и превращает их в неразделимое созвездие» [5]. Именно это отношение и является мессианичным. Агамбен отмечает: «Оба зона, прежний и грядущий, начинают притягиваться друг к другу вплотную, однако не соприкасаются; и это противостояние лицом к лицу, это стяжение и есть мессианское время: это, и ничто другое» [5]. При этом «мессианское время не образует у Павла отдельный эон, который бы вклинился между двумя временами; мессианское время у Павла – это, скорее, цезура, которая делит само разделение между двумя временами, вычленив между ними остаток, ничейную зону, на которой прошлое вторгается в настоящее, а настоящее распространяется в прошлое» [5]. В результате «типологическое отношение является полем напряжения между двумя полюсами, где два времени вдвигаются в одно созвездие, которое апостол называет «*ho nyn kairos*» [5]. Деятельность Ф.П. Гааза и идет под сенью мессианского «часа сего». Где «всякое данное время есть мессианское «сейчас», и мессианичен не хронологический конец времени, а мессианично настоящее как требующее исполнения, доведения до полноты, как полагающее себя «под знаком конца»» [5]. Это призвание «под знаком конца» не оставило выбора Ф.П. Гаазу, направив его на саморастрату и служение «униженным и оскорбленным» царской России. Вряд ли Ф.П. Гааз как врач стремился к воплощению каких-то возвышенных недостижимых идеалов будущего, скорее всего он действовал в настоящем и для настоящего и не предвидел своей будущей славы. Агамбен отмечает: «Ложным является общепринятое представление, согласно которому мессианское время устремлено всецело к будущему» [5]. По мнению Агамбена, «для Павла же, напротив, повторение, *anakephalatos*, означает, что время часа сего, *ho nyn kairos*, – это сжатие прошлого и настоящего воедино; что в решающую минуту мы должны свести счеты прежде всего с прошлым» [5].

Таков этический религиозный пафос врачебной деонтологии Ф.П. Гааза, защищающий его как христианина от риска необратимо потеряться во времени, «сжимающий прошлое и настоящее воедино». Это и сделало из него легенду. Согласно Агамбену, «стать притчей – значит понять, что между словом о Царствии и Царствием, между речью и действительностью нет более никакой разницы» [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Введение в биоэтику. М.: «Прогресс-Традиция», 1998. 384 с.
Vvedenie v bioetiku. M.: «Progress-Tradicija», 1998. 384 s.
2. Арентс Х. VITA ACTIVA, или о деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
Arendt X. VITA ACTIVA, ili o deyatel'noj zhizni. SPb.: Aleteja, 2000. 437 s.
3. Иглтон Т. Был ли Иисус революционером? М.: Свободное марксистское издательство, 2009. 64 с.
Iglton T. Byl li Iisus revolyucionerom? M.: Svobodnoye marksistskoe izdatel'stvo, 2009. 64 s.
4. Косидовский З. Сказания евангелистов. М.: Политиздат, 1979. 262 с.
Kosidovskij Z. Skazaniya evangelistov. M.: Politizdat, 1979. 262 s.
5. Агамбен Дж. Apostolos // «Оставшееся время: Комментарий к "Посланию к римлянам"». НЛО. 2000. № 46. С. 52–62.
Agamben Dzh. Apostolos // «Ostavsheesya vremya: Kommentarij k "Poslaniyu k rimlyanam"». NLO. 2000. № 46. S. 52–62.
6. Агамбен Дж. Костер и рассказ. М.: ООО «Издательство Грюндриссе», 2015. 192 с.
Agamben Dzh. Koster i rasskaz. M.: OOO «Izdatel'stvo Gryundrisse», 2015. 192 s.